

*Светлой памяти
старшего лейтенанта Салавата Хакимова,
ветерана Афганистана и Саур-Могилы*

Пролог

Саур-Могила, 29 июля 2014 года.

Ариадна Ивановна Гринько, батальон «Восток»

«Ну что ж, — подумала я, с трудом приоткрыв глаза и пытаюсь подняться со дна окопа, — хорошо мы повеселились, но, увы, все хорошее когда-нибудь да кончается. Сейчас сюда подойдет кто-нибудь из „азовцев“, и все, что мне останется — это по возможности застрелиться. Очень жаль, что гранаты у меня закончились». Последнюю пришлось израсходовать, когда двое очумелых укропов смогли подобраться к нашим позициям и с диким воплем рванули прямо на то место, где стояла я. Взрыв разметал «великоукров», но их минометчик решил приободрить своих и положил несколько мин рядом с нашим окопом. Осколками посеколо несколько человек, досталось и мне — я была ранена и контужена.

Последняя мысль моя была — только бы не плен. Попасть в руки этим ублюдкам мне не хотелось. Довелось как-то увидеть тела наших ребят, которые ранеными оказались в плену даже не у «азовцев», а у ВСУ*. Эти нелюди вдоволь поиздевались над ними. Одного парня из Горловки они еще живого облили бензином и подожгли. Ну а про девушек и говорить

* Вооруженные Силы Украины.

нечего. Помню, нашли мы недавно один труп — девочка лет, наверное, четырнадцати-пятнадцати, с отрезанными грудями, изуродованной промежностью и вспоротым штыком животом. Бедная, сколько ей вытерпеть пришлось, прежде чем смерть избавила ее от страданий...

Вот только смогу ли я застрелиться? Я попробовала пошевелиться. Дикая боль пронзила все тело. Правая рука висела как плеть, левая еле-еле двигалась и не сгибалась в локте. Да и все тело болело и ныло, словно по нему танк проехал... Наши ребята, кто был рядом со мной, погибли. Помню, как за мгновение до взрыва мины один из них — молдаванин Гриша Бурсук — его еще Барсуком кликали — успел заслонить меня своей спиной и заорал: убери, мол, руки за меня. Убрала бы, как он велел, не посеколо бы их тогда осколками. А я зачем-то обняла его сзади. Да что уж теперь...

Еще при жизни он не раз и не два оказывал мне неуклюжие знаки внимания, а я, глупая, над ним посмеивалась — лет ему уже за сорок было, вдовец, а мне всего-то двадцать... Можно сказать, что он в отцы мне годился. А теперь он мертв. Я поцеловала его перемазанное кровью лицо, как могла — только Грише уже было все равно. Жаль его, хороший он был мужик, на шахте работал, ничего не боялся. Помню, как он любил шутить: «Все под землей будем, только я и так полжизни там прокантовался...»

Так я провалялась на земле час или два. Звук боя потихоньку отдалялись, разрывы были еле слышны. Я уже было решила, что еще немного полежу, а потом соберусь с силами и попытаюсь

доползти до своих. Ведь если стреляют, значит, наши еще держатся. А там мне помощь окажут, не бросят.

Неожиданно в посеченных пулями и осколками кустах что-то зашуршало. Я попробовала поднять ставший неожиданно тяжелым пистолет, но сил у меня не хватило, и я завyla от отчаяния. Но тот, кто вышел из-за куста, был совсем не похож на «азовца» — у него была смуглая кожа, раскосые глаза и почему-то солдатский бушлат, такой, какие носили наши бойцы в фильмах про Великую Отечественную — и это в июньскую-то жару! А на боку у него висела самая настоящая сабля — я такую видела как-то раз у казаков, которые приехали помогать нам с Кубани. В руках он держал автомат с большим круглым диском. Да это же ППШ! — вспомнила я. Мне рассказывали, что такие старые автоматы наши хлопцы выменивали за самогонку у украинских прапорщиков в арсеналах Соледа-ра — там, говорят, за хорошие деньги можно было разжиться не только ППШ, но и немецкими винтовками «маузер», и нашими трехлинейками. Ну прямо «пещера Аладдина» какая-то!

Увидев меня, он, слегка косолапя, подбежал ко мне, нагнулся и сказал со странным акцентом:

— Что случилось, сестричка? Может, помощь какая нужна...

— Вы кто? — не удержалась я от вопроса.

— Сержант Тулуш, Кызыл-оол мое имя, — улыбнулся тот, причем глаза его оставались цепкими, и смотрели они не столько на меня, сколько зыркали по сторонам, чтобы видеть все, что происходило вокруг.

— А меня Ариадна, — представилась я.

Сержант неожиданно по-кошачьи отпрыгнул в сторону и направил ствол автомата в сторону рощицы. Должна признаться, что я ничего подозрительного не услышала, но у сержанта с трудновыговариваемым именем, похоже, был отличный слух.

Из-за посеченной осколками осины вышел с поднятыми руками еще один человек, в линялой солдатской гимнастерке и такой же полинялой пилотке со звездочкой. Он точно был не из нашей роты. На груди у него висел автомат, не ППШ, но тоже внешне не похожий на привычный мне «калаш». Он больше смахивал на те, которые были у немцев в фильмах про Великую Отечественную войну.

— Свои, — улыбнулся незнакомец. — Не стреляйте. Тут и без вас есть кому стрелять.

Словно в подтверждение его слов над головой прошелестела мина и разорвалась неподалеку от нас. Осколки срезали небольшую липу, которая росла всего в двадцати шагах от того места, где я лежала. Похоже, «азовцы» не наигрались сегодня, и решили еще немного популять.

Услышав слова этого парня в пилотке, я неожиданно вспомнила фразу кота Матроскина: «Свои дома сидят, телевизор смотрят». Кызыл-оол настроженно смотрел на нашего нового знакомого. Он убрал палец со спускового крючка, но автомат держал наготове.

— Какой такой свой? — спросил он.

— Старший лейтенант Михаил Студзинский, Сумское партизанское соединение, — сказал тот. — Про деда Ковпака слышали? А ты, стало быть, из тувинцев?

— Откуда знаешь про нас?

— Да слухами земля полнится. «Черная смерть» — так вас немцы кличут. А если бы ты знал, какие страсти-мордасти они про вас рассказывают. Дескать, не люди вы, а воинство Чингисхана, вырвавшееся из ада. В плен не сдаетесь, но и сами в плен не берете. Вот только не привелось ни разу драться вместе с вами. А что там с девушкой? Она ранена?

Тувинец утвердительно кивнул.

— Слушай, сержант, у меня индпакет есть. Давай я ее посмотрю.

— Смотри.

Сержант сделал пару шагов в сторону и стал внимательно осматривать местность, а ковпаковец склонился надо мной, расстегнул на мне разгрузку, потом «комок» и покачал головой.

— Да, сестрица, крепко тебя долбануло, — сказал он. — Но ничего, сейчас что-нибудь придумаем.

Он неожиданно сильными пальцами ловко выдернул из ран несколько осколков (тут я не выдержала и взвыла от боли), а потом столь же неожиданно ласково и аккуратно обработал раны тампоном, от которого разило чем-то весьма похожим на запах самогона. Помню, как такое ядовитое зелье гнала когда-то из буряка моя тетя.

— Надо бы тебя поскорее врачу показать, но где же тут его найдешь, врача-то? В общем, я сделал все, что смог. Ты лучше скажи мне — где это мы сейчас находимся?

— То есть как это где?! — обалдела я. — Это Саур-Могила, неужели ты не слышал о такой?

— Нет, не слышал, — честно признался ковпаковец. — а где эта самая могила находится?

— Ты что, не знаешь, где воюешь?

— Воевал-то я в Карпатах, милая, — криво усмехнулся старший лейтенант. — А как сюда попал... Я бы сказал, что один лишь Бог это знает, если он, конечно, существует. Ведь нас партия и товарищ Сталин учат, что нет его и быть не может. А ты, сержант, где воевал?

— Шли мы в атаку, — тувинец на мгновение повернулся к нам. — Помню, как двух немцев зарубил, потом подо мной коня убило, и дальше ничего не помню.

— Вот и я не помню. Был в разведке, нас Петр Петрович Вершигора* за «языком» послал. «Языка»-то мы взяли, только при отходе обнаружили нас гады из УПА — слышали, небось, об этой сволочи. Вцепились они в нас так, что никак от них оторваться не получалось. Тут меня в ногу ранило, и стал я обузой для своих друзей. Вот я и остался отход своих прикрывать. Как мог петлял, отстреливался. Гранаты кончились, из патронов тоже осталось лишь чуток. Потом словно что-то по спине ударило. Помню, лежу и истекаю кровью, думаю — все, Мишка, приплыл. Не видать тебе больше родного Ворошиловграда — точнее, станицы Луганской, оттуда я родом. А потом все в глазах вдруг потемнело, и я оказался здесь, а на мне ни царапины. И нога целая, словно мне ее не прострелили, и в спине дырок нет. Чудеса, да и только!

* Петр Петрович Вершигора в соединении Ковпака был начальником разведки.

Он посмотрел на меня:

— Доложи, милая, обстановочку... Чтобы хоть знать, что происходит на твоей, как ты говоришь, Саур-Могиле...

— Сейчас на дворе две тысячи четырнадцатый год, двадцать девятое июля, — хрипло выговорила я. — На Саур-Могилу прут бандеровцы — это та же самая УПА, только в новой ипостаси. А мы, соответственно, обороняемся, как можем.

— То есть эти самые бандеровцы бьют Красную армию? — удивился старший лейтенант.

— Если бы Красную армию... Нет ее давно. А здесь воюют местные — шахтеры, рабочие, учителя. Или студенты, вроде меня. Ну, что-то наподобие ополченцев в Великую Отечественную... И добровольцы из России и других мест — вот Гриша был из Молдавии, хоть и проработал здесь много лет шахтером. Причем оружия у нас мало, зато враг вооружен до зубов.

— Ну что ж, бил их там, буду бить и здесь, — скрипнув от злости зубами, кивнул старший лейтенант. — А ты как, сержант?

— Я с вами, — ответил тувинец. Лицо его было невозмутимо, словно африканская маска.

— Тогда давай отнесем Ариадну туда, куда она скажет. Заодно и познакомимся с местными... ополченцами. Ты не против?

— Ты старший лейтенант, ты командир. Я сержант, — неожиданно улыбнулся тот и бережно подхватил меня на руки.

«Однако, — удивилась я, — выглядит он таким неказистым и щуплым, а сила у него в руках невероятная».

— Только зовите меня Михаилом, а еще лучше Мишей, а то «старший лейтенант» — пока выговоришь, сто лет пройдет... У нас, у партизан, все проще.

— А меня Кызыл-оол, — сказал тувинец. — Можете называть меня просто «таныш» — по-нашему это означает «друг», «приятель».

Мы прошли через рощу. Неожиданно Миша сделал стойку и вскинул автомат. Из-за посеченных осколками деревьев вышел человек в застиранном военном мундире цвета хаки, в фуражке с красным околышем, а на груди у него, как я машинально отметила про себя, висели два креста на колодке, напоминающей георгиевскую ленту. Он поднял руки вверх и сказал:

— Поручик Фольмер, господа. Не стреляйте. Тем более что в меня совсем недавно стреляли. Скажите лучше — с кем имею честь познакомиться?

— Гляди-ка, — насмешливо произнес Миша, опуская ствол автомата. — Прямо-таки настоящий белогвардеец.

— Я и есть белогвардеец, — усмехнулся тот.

— И как ты сюда попал?

— Был расстрелян красными в Крыму в ноябре двадцатого года. Поверил Фрунзе и остался — не захотел покидать родину. И я ни о чем не жалею — пусть я по крови немец, но православный и считаю себя русским. И сам решил остаться в России.

— Поня-а-тно, — удивленно покачал головой Михаил. — И что ж теперь нам с тобой делать?

— А вы кто, красные? — беляк подозрительно покосился на звездочку на пилотке Михаила.

— А если и так? — усмехнулся тот.

— Ну что ж, у Розалии Землячки — так звали дамочку, объявившую о нашем расстреле — не вышло меня убить, попробуйте теперь вы. Тем более оружия у меня нет, свой наган я отдал при регистрации — не знал, что иду на верную смерть. Хоть и подзрел, чего уж там.

— Да полно вам тут препираться, — я не выдержала и вмешалась в их разговор. — Нет здесь ни красных, ни белых. Есть люди и бандеровцы. Так что выбирайте, с кем вам быть вместе...

Часть I

«НАШИ МЕРТВЫЕ НАС НЕ ОСТАВЯТ В БЕДЕ...»

29 июля 2014 года. Саур-Могила, Донецкая Народная Республика.

Сержант Тулуш Кызыл-оол, Тувинский эскадрон 8-й гвардейской кавалерийской дивизии

Я был правнуком великого шамана, который вел свой род от самого Аджу, внука Субэдэй-багатура — «Свирепного пса» Чингисхана. И потому мне порой снились странные сны, которые даже мой мудрый отец не мог толком разъяснить, и лишь разводил руками. Нет, я и сам не верил в духов и старых богов наших предков. Времена наступили такие, когда на верующих смотрели косо. Только сны мои и голоса приходили ко мне сами по себе, и ничего с этим я поделать не мог.

Отец мой поселился в городе Кызыл еще тогда, когда тот носил название Белоцарск. Он был грамотным человеком, умел говорить по-русски и мог читать книги, написанные на этом языке. Он и меня научил всему, что знал сам. Ну, а я, повзрослев, пошел работать на лесозавод механиком. Оборудование там было не такое уж сложное, и я быстро научился его чинить и налаживать.

Рядом с нашей Тувинской Народной Республикой жила и здравствовала большая и многолюдная